

ОГАРЕВ — Н. Х. КЕТЧЕРУ и В. Г. БЕЛИНСКОМУ

Публикация М. Я. Полякова

Публикуемое письмо Огарева является пока единственным известным нам письмом из переписки Огарева с Белинским. Письмо это сохранилось среди писем Сатина к Кетчеру и было послано вместе с письмом Сатина из Берлина от 17 октября 1844 г.

Личное знакомство Белинского с Огаревым состоялось в Москве в 1839 г., после окончания ссылки Огарева. Но отношения между ними завязались значительно раньше. Еще до возвращения в Москву Огарев посылал Кетчеру статьи и стихотворения для опубликования в «Московском наблюдателе» Белинского. Так, в письме к Кетчеру, написанном в феврале 1839 г., Огарев писал: «Посылаю статейку, можешь поместить в „Наблюдателе“, если хочешь с подписью имени...» (ЛБ. М. 5185/18). Весь круг личных и литературных отношений сближал Огарева с лагерем Белинского. Известную роль в идейном становлении Огарева в эти годы сыграли статьи Белинского периода так называемого «примирения с действительностью». В письмах Огарева 1838—1839 гг., особенно в письмах к Герцену, значительное место занимают размышления их автора над проблемой «действительности» и методами борьбы с нею. Споры с Герценом помогли Огареву уяснить себе уже в конце 1839 г. ошибочные стороны этой теории «примирения».

Перезд Белинского в Петербург (в конце 1839 г.) ознаменовал новый этап в отношениях к нему Герцена и Огарева. В «Былом и думах» мы читаем: «Я не шел к нему. Огареву моя ссора с Белинским была очень прискорбна. Он понимал, что нелепое воззрение у Белинского была переходная болезнь, да и я понимал, но Огарев был добрее. Наконец, он натянул своими письмами свидание» (VIII, 20).

Это свидетельство о роли Огарева в отношениях Герцена и Белинского подтверждается и письмами Огарева и Кетчера, относящимися к этим годам. В мае — августе 1840 г. между Герценом, с одной стороны, и Огаревым и Кетчером, с другой, возникла полемическая переписка о значении Белинского в журналистике и характере отношений к нему. Из дошедших писем Огарева и Кетчера явствует, что Герцен в полемическом задоре противопоставил Белинскому — Губера, второстепенного поэта, переводчика и публициста. Это вызвало резкую отповедь со стороны его московских друзей. 16 мая 1840 г. Кетчер писал Герцену, что он «советовал бы не расходиться совершенно с Белинским и не слушать всех вздоров даже из уст Михайлы Александровича (Бакунина)». Огарев в приписке к этому письму полностью сходил с Кетчером в оценке позиции Герцена по отношению к Белинскому. «Почтенный барон,— писал он о Кетчере,— уже побранил тебя, за что надо. А надо, саго,— как не стыдно было увлечься гегельянством Губера, который, судя по его философским статьям, если и читал Гегеля, то еще меньше понимает, чем Белинский понаслышке». Как явствует из письма Огарева, Герцен ответил на это не дошедшим до нас письмом, в котором защищал свою позицию, и 24 августа 1840 г. Огарев и Кетчер снова пишут ему письма в защиту Белинского («Русская мысль», 1889, № 1, стр. 11—12, 15—16). Письма Огарева 1840—1841 гг. пе стрят просьбами передать Белинскому его стихи для опубликования в «Отечественных записках». В апреле 1841 г. Огарев уехал за границу. Встреча в Петербурге с Белинским еще более сблизила поэта и критика. Переписка, которая завязалась между ними в 1839 г. (до нас не дошли эти письма), возобновилась после отъезда Огарева за границу. В письме к Кетчеру от 25 августа 1841 г. Белинский сообщает: «Я получил письмо от Огарева из-за границы...» («Письма», т. II, СПб., 1914, стр. 259). Ко времени заграничного путешествия Огарева относится и публикуемое письмо, свидетельствующее о тесных дружеских связях критика и поэта*. Письмо содержит иронические оценки

* Летом 1874 г. в Лондоне находилась вдова Белинского, Мария Васильевна. Она посетила Огарева, жившего в Гринвиче (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 737). Прощаясь с М. В. Белинкой перед ее отъездом в Россию, Огарев вручил ей рекомендательную записку, обращенную к его старинному приятелю и тестю А. А. Тучкову. Огарев писал: «К тебе едет жена моего покойного друга Белинского. Прими ее братски в мое воспоминание. Твой старый Ага». На обороте был надписан адрес: «А. А. Тучкову, Пензенской губернии, Инсарского уезда. В дер. Яхонтове или Акшине» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 38).

по адресу представителей романтической школы в литературе и философии Германии, описание жизни Огарева за границей, его настроений и взглядов. Существенный интерес представляют слова Огарева о Бетховене и обещание написать статью о нем. Огарев, так же как Белинский и Герцен, был глубоким и увлеченным почитателем великого немецкого композитора. Высказывания Огарева и Герцена — в письмах и стихотворениях — о создателе «Героической симфонии» проникнуты восторженным отношением к свободолюбивым гражданским идеям и гуманизму бетховенской музыки (см. Ю. К р е м л е в. Русская мысль о музыке, т. I. М., 1954, стр. 44, 144).

Письмо публикуется по автографу Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (М. 5185. 24/3).

⟨Берлин. 17 октября 1844 г.⟩

Мое намерение быть отцом рушилось, барон. Родился недоносок, мертвый ребенок с такой жалобной физиономией, что я ее до сих пор забыть не могу. Сегодня уже 8 дней. Жена здорова. Странна диалектика судьбы: меняет себе жизни, разрушает возможность нравственного прогресса, etc. Но ты сам все это знаешь, и знаешь, как много надо внутренней силы, чтоб становиться выше случайностей и быть ровным, неразрушимым сосудом вечного духа. Теперь все осталось попрежнему. — Планы мои следующие: я *solus* * остаюсь в Берлине и учусь. — «Зачем не едешь домой?» — спросишь ты. Эх, друг мой! Хочется домой, да не хочется приехать в таком же брожении, как пребывал доселе, жизнь хочет определиться. *Ins blaue hinaus* ** жить надоело. Надо совершить в себе необходимое внутреннее развитие. И вот почему я остаюсь в Берлине. Занятия мои также не *ins blaue hinaus*, а сообразно плану, понятию и определенному. Ругать ты, вероятно, меня за это не будешь. А если будешь ругаться, барон, ругайся, как в последнем письме; в нем ругань твоя дышит нежностью. В нем я совершенно увидел тебя, как я тебя всегда видел. Твои резкие жесты, твоя брань, — барон, я их очень хорошо знаю. Это маска для прикрытия силы любви и нежности, которых *pathos* *** иначе заставил бы задохнуться. Обними меня, барон, и скажем оба: ⟨1 нрзб.⟩ если б мы были вместе. Ну! Да решено иначе. Ближе года увидимся, и тогда надолго будем вместе. Теперь я утешаюсь полным убеждением, что я не для простого рысканья остаюсь одиноким. Когда я думаю о вас, мне кажется, что я приношу жертву, оставаясь здесь; когда думаю о труде, мне кажется, что не остаться невозможно, т. е. внутренне невозможно. Что сказать тебе о результатах новейшей науки? Вы, кажется, слишком скоро схватили их и успокоились на них. Мне они до сих пор кажутся скачками, а не выводами; неопределенными заключениями, в которых не виден процесс развития истины. Они мне как-то напоминают участь учения Сократа в киренейской и пинической школах, где неразвитая всеобщность, абсолютная идея — помимо своего процесса — перешла к индивидуальности, не менее абстрактной. Едва ли еще тут есть примирение объективной истины и единичности.

Но будет говорить о науке. В нескольких строчках ничего не скажешь, а томы писать некогда. С Фрол(овым)¹ я сближаюсь теснее и теснее при каждом свидании. Этот человек дается не вдруг, но чем более ты заглядываешь *in die Tiefe*****, тем отраднее тебе открывается *das Wesen******.

П(анаев) в уехал². Я желал показать ему Берлин с лучших сторон, но, к сожалению, в Берлине лучших сторон не имеется; хорошо только то, что, живучи в Берлине, в тебе хорошее происходит, а извне — ничего не

* один (лат.).

** в мечтаниях (нем.).

*** пафос (греч.).

**** в глубь (нем.).

***** сущность (нем.).

возьмешь, особливо если *путешествуешь*. Я отказываюсь путешествовать. Глупее занятия приискать нельзя. Только в глазах рябит от всего, что видишь. Здешние выставки картин и изделий — обе подгуляли шибко. В музее есть «Ю» — *Correggio* — такая славная, что не насмотришься. Но <это?> лучшее, что есть в Берлине. — С будущей недели начнутся лекции.

Прервал — напишу ужю. Теперь не расположен.

Прилагаемый вексель и письмо доставь по адресу *немедленно*.

Много благодарю вспомнивших меня и приписавших. Так и Мих^{аил} Сем^{енович} заехал в Питер. Вероятно, теперь уже вернулся в Москву. Если будешь писать к нему, то скажи, что его приписка меня тронула³.

Ну, а ты, Виссарион, — как и что? Ходишь по комнате, рассуждая и досадуя. Вот так тебя, бульдога⁴, и вижу. Как мне хотелось бы с вами напиться! Душу отвести. Но теперь я, *carissimi**, трезв, как пустая бутылка. Вино выдохнулось. Стрела Амура немножко изувечила, и не вдруг доберешься до Вакха. Слышал я, что барон чистил себе желудок к моему приезду. Я весной прочищу свой желудок на водах и явлюсь совершенно способным наслаждаться вашими беззакатными ночами. Уж к тому времени и долго думавший, но мало прописавший муж, породивший исполина, должен прочистить себе желудок. — Нельзя ли прислать в г. Берлин сей год «Отечественных» записок? Если Краевский не захочет дать даром, то я заплачу (а не заплачу) по приезду; да я же ему готовлю статьи по 500 р. за лист. Нет, в самом деле, пришлите-ка «Записки»; ведь это легко сделать; а не то разучусь читать по-русски. *Varnhagen* читает Пушкина наизусть⁵. Каково?

Был на днях у Вердера⁶, который так во что-то углубился, что слова от него не добьешься. Он смотрит с пренебрежением на все консеквенции науки, до которых он не дошел; а все же человек хороший. Вчера была у нас Беттина. Много говорит, так много, что у меня происходят головокружения и я подконец ничего не понимаю; а славная женщина. В ее *Briefwechsel Goethes* есть ее разговоры с Бетгоеном⁷, перед которым я готов пасть на колени. Из немногих слов Бетгоена можно развить всю философию музыки. Я намерен написать об этом статью в форме письма.

За сим прощайте, друзья мои. Что-то ничего порядочного сказать не в состоянии.

Обнимаю тебя крепко, барон. Не поленись, напиши поскорей. Хотя два слова. Когда буду очень хорошо расположен, напишу предлинное письмо. Прощай.

Рукой Сатина:

Так, например, ежели ты отдашь Краевскому мою «Ножку»⁸, мог бы он за нее прислать экземпляр «Отечественных записок». Говорят, он разбогател, разбойник.

¹ О Николае Григорьевиче *Фролове* см. в «Лит. наследстве», т. 56, 1950, стр. 169 и на стр. 89 настоящего тома.

² И. И. Панаев и его жена приехали в Берлин 3 октября 1844 г.

³ М. С. Щепкин находился в 1844 г. на гастролях в Петербурге. Письмо с припискою Щепкина Огареву или об Огареве неизвестно.

⁴ Намек на псевдоним Гелинского «Петр Бульдогов».

⁵ Варнгаген фон Энзе специально занимался Пушкиным: ему принадлежит статья о Пушкине.

⁶ Карл *Вердер* (1806—1893) — профессор Берлинского университета. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 56, 1950, стр. 121.

⁷ Речь идет о книге Беттины (Елизабет фон-Арним) «Переписка с Гёте».

⁸ «Ножка» — поэма, единственное крупное поэтическое произведение Сатина (см. «Русские пропилеи», т. I, М., 1915, стр. 165—194).